

ТЕОРЕТИЧНІ ПИТАННЯ МОВОЗНАВСТВА

УДК 81-132:811.161.1

Потреба Н.А.,
кандидат філологічних наук,
Горловський пединститут іноземних мов

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОСТРАНСТВА

В современном литературоведении художественное пространство является характеристикой художественного мира, средством упорядочения его образов. В каждом художественном тексте есть отражение пространственных образов, которые вместе с тем воссоздают личность автора. Художественное пространство, выступая интегральной характеристикой произведения, придает ему внутреннее единство и завершенность. В литературоведении изучается преимущественно категория хронотопа, рассматривается проблема взаимодействия времени и пространства, а в отдельности пространственный аспект этой проблемы остается малоизученным. Целью данной статьи является изучение пространственных образов с точки зрения феноменологического метода. «В основе этого метода – стремление высветить самоценность художественного произведения как единственного и неповторимого» [3, 8]. Феноменология, по мнению Г. Башляра, наиболее целесообразный метод исследования художественного творчества, ибо поэты и живописцы – прирожденные феноменологи [3, 4].

Важным фактором в восприятии пространства с феноменологической точки зрения есть чувственный образ внешних структурных характеристик предметов, которые оказывают непосредственное влияние на органы чувств. Описать в феноменологическом аспекте воспринятое как таковое – значит проследить различные дескриптивные измерения, учитывая многообразные особенности. Рассматривая сам феномен пространства, мы прослеживаем признак, свойства, причем только те, которые действительно проявляют себя в самом этом восприятии. Однако, часто, кроме действительно воспринятых моментов имеются еще и многие другие. А именно то, что в собственном содержании увиденное в себе самом, в соответствии со своим собственным содержанием, указывает на бесконечный излишек определений, на не увиденное, частично знакомое, частично неопределенно-незнакомое. Мы оказываемся вовлеченными в многообразие, которое указывает на возможные новые восприятия, и с очевидностью раскрывает и осуществляет себя в серии образов и представлений. Значит, пространство может быть познано как непосредственная, нерасчлененная целостность субъекта и объекта. Пространство при этом открыто и направленно извне.

Отдельные аспекты проблемы, связанной с пространством, затрагивались в искусстве и в философии еще с античности. Известно, что Анаксагор выдвинул идею использования прямой перспективы в сценографии, а затем вместе с

Демокритом разработал детали техники написания декораций к трагедиям Эсхила с учетом такой перспективы.

Однако и в античности, и в средние века термин для “пространства” отсутствовал. Платон в принципе отрицал определимость пространства ввиду его “крайне сомнительной причастности” к области понятий. У него отсутствовало общее представление о пространстве, а было только представление о месте, в частности о собственном месте, к которому устремляются тела, если им ничто не препятствует.

В нашей повседневной жизни пространство – это одна из форм более широкого понятия, понятия пространственности. Одни философы отождествляют пространство с материей (Декарт) или с одним из атрибутов Бога (Спиноза), другие видят в нем абстракцию или “априорную форму чувственности” (Кант), которую мы проецируем на наш взгляд, на мир.

На наш взгляд, наиболее адекватной для исследования художественных явлений представляется феноменологическая концепция пространства, которая начала формироваться еще в XVIII в., но лишь в XX в. обрела законченный вид и влиятельное методологическое значение.

В философском понимании “феномен” представляет собой явление, постигаемое в чувственном опыте, который не может быть выведен из окружающего мира, а является содержанием интенционального акта.

Впервые слово “феноменология” появляется в 18 веке в одном из писем основателя немецкой классической философии И. Канта. Позже Г.В.Ф. Гегель называет одну из своих работ Йенского периода “Феноменология духа”. Ядром гегелевской философской системы является идея о том, что развитие человеческого духа становится сознательным самопостижением мирового духа, а потому “сущность мира вещей должна быть понята из того процесса, который прошел человеческий дух, чтобы постичь собственную организацию, тождественную организации вселенной” [8, 150–152].

У И. Канта феномен представляет собой явление, способствующее обнаружению вещи, т.е. само существование вещи, предполагается при помощи понятия “феномен”. По Э. Гуссерлю, исключению подлежит всякое существование, выходящее за пределы непосредственной данности [4]. “Феномены даны мне непосредственно, а не тот факт, что эти феномены являются “моими” или “выражают” трансцендентные объекты”. “Все, что доступно нам благодаря рефлексии, имеет одно замечательно общее свойство – быть сознанием о чем-то, осознанием чего-либо, или, коррелятивно, быть осознанным – мы говорим об интенциональности” [4, 65].

М. Хайдеггер отмечает, что греческий термин “phainomenon” образован в результате субстантивации глагола, основное значение которого может быть выражено посредством оборота “обнаруживать себя”. В данном значении феномен принципиально отличается от традиционного его истолкования, зафиксированного в понятиях “явление”, “кажимость”. Феномен, в его изначальном смысле

понимаемый как “себя-в-себе-самом обнаруживающее”, противопоставляется М. Хайдеггером пониманию феномена, проявляющему себя посредством чего-либо иного. Применительно к анализу смысла бытия это означает, что он не может быть выведен ни из окружающего мира, ни из противостоящих человеку объектов.

С одной стороны, способ, посредством которого выявляется смысл, не выводится из традиционных управляемых правилами грамматики способов выражения мысли, а раскрывается в изначальных значениях слов-источников, из которых возникли дошедшие до нас категории и понятия [11, 21]. С другой стороны, раскрытие изначального смысла понятия “феномен” в рамках хайдеггеровской интерпретации феноменологии связано с обнаружением изначального понятия “логос”. М. Хайдеггер считает, что в результате многообразия существующих переводов понятия “логос” – “разум”, “понятие”, “определение”, “основание”, “отношение” – был искажен подлинный его смысл, который наиболее адекватно выражается в понятии “речь”. Тем самым логос позволяет увидеть, “о чем в речи идет “речь”” [11, 32]. Иначе говоря, посредством логоса осуществляется попытка доонтологического понимания, выяснения того изначального смысла, постижение которого есть необходимое условие всякого подлинного диалога, поскольку последний невозможен без наличия необходимого доступа к первичному источнику смысла.

Отправным для понимания феноменологического метода считается философское наследие Декарта, его способы осознания проблем человека, прежде всего сознания. Основной особенностью эпохи классицизма оказалась статичная достаточно стабильная система смысловых координат. Это нашло свое выражение в том, как проблема сознания воспринималась эпохой Нового времени и последующей традицией, которая развивалась в русле, обозначенном Декартом. Важным и принципиально характерным для эпохи Нового времени было то, что, по Декарту, сознание есть субстанция. Субстанция – это нечто такое, что существует само по себе, она обладает свойствами и качествами, которые ей присущи, неотъемлемо наличествуют в ней. Материальный мир Декарт характеризует понятиями распространенности и движения тел. Распространенность, протяженность являются свойствами материального тела занимать определенную часть пространства и они рассматриваются как атрибут субстанции, что нередко отождествлялось, в эпоху Р. Декарта, с самим пространством. Основным видом познания, по Декарту, является рациональное познание, инструментом которого служит разум [1, 29]. Картезианская традиция раскрывает свое содержание в рамках дуализма: духовной и телесной субстанции, идеального и материального, субъекта и объекта.

Таким образом, согласно Канту, пространство есть не что иное, как форма всех явлений внешних чувств, т.е. субъективное условие чувственности, при котором возможны внешние созерцания. При этом восприимчивость субъекта предшествует всякому созерцанию объекта, поэтому форма всех явлений “дана в душе раньше всех действительных восприятия, следовательно, а priori” [6, 61].

Э. Гуссерль понимал интенциональность как акт придания смысла (значения) предмету при постоянной возможности жесткого разграничения

предмета и смысла. Рассматривая феноменологический метод исследования Э. Гуссерля, А.М. Руткевич приходит к мысли, что “одно осмысленное переживание служит возможностью другого” [9, 35]. Следовательно, образ пространства формируется последовательностью интенциональных актов, конституирующих предмет.

Ученик Э. Гуссерля – польский ученый Роман Ингарден, характеризуя основные принципы, из которых выросла феноменологическая философия как особый метод, особо отмечает роль непосредственного опыта. По словам Р. Ингардена основной принцип может быть передан в таких словах: “Назад к изначальному, непосредственному опыту!” [5].

М. Мерло-Понти воспринимает пространство как “это не Место (реальное или логическое), в котором расположены вещи; оно характеризует только возможную последовательность их расположения” [7, 27]. Это означает, что мы должны мыслить о пространстве как об универсальной силе, определяющей возможность соединения вещей, а не представлять его как их вместилище или как абстрактную характеристику, которой вещи обладают в своей совокупности. Если не рефлексировать, то возникает отношение к пространству как к месту, в котором расположены вещи, или как к их общему свойству; если же рефлексировать, то происходит схватывание пространства в его источнике, и в этот момент осознаются связи, выраженные в данном слове, представляя затем, что они опосредованы субъектом, который отслеживает и подтверждает их, и, в результате этого происходит переход от опространствленного пространства к пространствующему пространству.

Таким образом, М. Мерло-Понти выделяет несколько пространств. Ночное пространство, которое запечатлевает явное пространство и наблюдаемые объекты.

Чистое пространство – это пространство, не имеющее частей, в котором все объекты равнозначны и имеют равные права на существование, не только охватывается, но также и пропитывается другой пространственностью, подменяющей ее в ситуациях, связанными с болезненными отклонениями.

Естественное же пространство, о котором говорит традиционная психология, наоборот, успокаивает и является самоочевидным; это происходит потому, что существование, нацеленное на него, впитывается в него, не осознавая себя.

М. Мерло-Понти предполагает, что сущность пространства заключается в абсолютной “внеположенности”, которая соотносится с субъективностью, одновременно отрицая ее.

Существует два способа освоения пространства, которые мы не можем одновременно использовать. Либо человек в момент переживания осознает то, что переживает, и об этом свидетельствуют его показания, и надо просто принять то содержание восприятия, которое фактически выражается в его языке. Либо человек в момент переживания не рассуждает о его содержании, и в этом случае проверка на самоочевидность невозможна.

М. Мерло-Понти выделяет несколько пространств, среди которых присутствует ночное пространство. Пространство сна в ночное время рассматривает Гастон Башляр в работе “Онирическое пространство”.

Г. Башляр представляет онирическое пространство как фрагменты сновидения, которые соединяются воедино в рамках реального геометрического пространства. Эти трансформации определяют онирическое пространство как место движений воображения. При этом ученый обращает внимание на то, что сон имеет некий центр, психическую полночь сновидений и “именно к этому центру сначала стягивается онирическое пространство, и именно от этого центра или порождающего фокуса пространство сна растягивается, распространяется и структурируется” [2, 251]. Таким образом, Г. Башляр наделяет пространство движением, о котором также говорит и М. Мерло-Понти.

Для Г. Башляра пространство “это близкий нам синтез вещей и нас самих” [2, 253]. Образы и символы, которые концентрируются вокруг центра сна, наполняют пространство и их истолкование зависит от близости расположения к этому центру. Если образы изолируются, то их истолкование ускользает. Они могут рассматриваться в динамике процесса сна.

Пространство обладает центростремительной структурой. При погружении в сон движение осуществляется по закругленным спиральям, по кривой, циклической линии. При приближении пробуждения вместо закругленного пространства возникает пространство “с предпочтительными направлениями, с векторами желания, осями агрессии”, пространство наполняется предметами, которые имеют большой объем активности.

Таким образом, онирическое пространство Г. Башляра разворачивается в двух направлениях: погружения в сон и пробуждения; оно располагается вокруг центра сна и заполняется предметами. При движении к центру оно растягивается по спирали, а затем распространяется и структурируется в разных направлениях, т.е. пространство разбивается на фрагменты. Физическое пространство текста находится в феноменологическом единстве с символическим пространством произведения.

Итак, важным фактором в восприятии пространства с феноменологической точки зрения является чувственный образ внешних структурных характеристик предметов, непосредственно воздействующих на органы чувств. Для того чтобы описать в феноменологическом аспекте воспринятое как таковое – это, значит, проследить различные дескриптивные измерения, учитывая различные особенности. Рассматривая сам феномен пространства, мы прослеживаем признаки, причем только те, которые действительно проявляют себя в самом этом восприятии. Однако, часто, кроме действительно воспринятых моментов имеются еще и многие другие, а именно, что в собственном смысле увиденное в себе самом, в соответствии со своим собственным смыслом, указывает на бесконечный избыток определений, на не увиденное, частично знакомое, частично неопределенно-незнакомое. Однако на этом анализ не может остановиться. Тотчас

возникает вопрос о том, как становится очевидным, что принадлежащее к феномену сознания “горизонтальное сознание”, действительно указывает на дальнейшие, находящиеся вне опыта в собственном смысле признаки пространства. Это ведь уже некая интерпретация, которая выходит за пределы момента переживания, момента, который, как легко установить, совершенно несозерцателен, в себе и для себя пуст. Однако мы точно оказываемся вовлеченными в многообразие, которое указывает на возможные новые восприятия, и с очевидностью раскрывает и осуществляет себя в серии образов и представлений. Значит, пространство может быть познано как непосредственная, нерасчлененная целостность субъекта и объекта, т.е. оно постигается через самое себя. Пространство открыто и направлено вовне.

Почему мы берем за основу феноменологический метод исследования? Феноменология вовсе не требует какой-либо особой способности понимания мира; вещь есть только то, что она нам показывает. Явленность нашему сознанию и есть реальность, гарантия подлинного существования. Все содержания сознания приобретаются нами на путях переживания. При этом есть переживания, в которых переживающий субъект ощущает себя противостоящим некому объекту, и есть переживания, в которых переживающий субъект до конца сливается с переживаемым им объектом. Так как никакие переживания не могут быть рассмотрены в строго научном понимании этого слова, то возможно наделение этих переживаний символическими качествами. Облегчает же понимание вопроса феноменологический метод исследования.

Для феноменологии категория пространства чрезвычайно важна. Для нее важно переживание пространственности. Человек может переживать пространственность самыми разными способами.

Феноменологический анализ ориентированного пространства останавливается на изучении его составляющих элементов: его границы, расстояния вправо и влево, направления и вертикальную ось. По мнению Г. Башляра, вертикальная ось – это основная ось человеческого существования, наши главные жизненные переживания связаны именно с ней. Жизнь ощущается как постоянное движение вверх или вниз. Движение вверх метафорически выражается как светлеющее, поднимающееся, направленное вверх к царству мира и света; о движении вниз говорят как о понижении, падении.

Основной чертой, характеризующей феноменологический анализ образов, состоит в том, чтобы найти эти образы в далеком прошлом. По суждению Г. Башляра, феноменология призвана изменить простоту традиционных образов на личную простоту: “феноменологічний метод спонукав мене звертатися до першого усвідомлення, тобто мого особистого розуміння, створення красивих образів” [3, 39]. Феноменологический анализ дает возможность отличить реальный образ от выдуманного, пережитый от фальшивого. По мысли ученого, образы имеют пространственный, а не временной характер; их анализ он называет “поэтикой пространства” или “топоанализом”, анализом мест.

Проблема, стоящая перед феноменологией, сводится к описанию феноменов в их действительном виде, без предварительного выяснения, что они есть такое, хотя в основе описания и лежит надежда выявить некоторые конститутивные, присущие миру свойства в процессе определения того, каким образом феномены предстают перед нами. Таким образом, значимость изучения пространства с феноменологической точки зрения заключается в том, что предмет (пространство) существует как бы сам по себе, смысл предмета формируется внутри и вокруг него. Но при этом не учитываются принципы его проявления, отсутствуют мотивы приведения этого предмета в систему.

Феноменология позволяет осязать смысловую структуру пространства, при этом учитываются различные аспекты восприятия (зрение, слух, осязание, обоняние). Именно действительный ход наших восприятий, впечатлений создают смысл пространства, его динамический характер. Аспекты восприятия у каждого человека различные. Поэтому почти никогда не бывает одного и того же звука, вкуса, цвета.

Подводя итог рассуждениям о предпосылках феноменологического анализа художественного пространства приведем высказывание Т.А. Пасто, который в “Заметках о пространственном опыте в искусстве” указывает, что язык искусства в значительной степени обусловлен нейрофизическими процессами, а “многие переживания (художественные и иные) возникают как телесные функции до того, как индивидуум путем рациональных мыслительных процессов поднимет их на уровень сознания” [10, 164–165].

Литература

1. Алехин В. В. История философии / В. В. Алехин. – Д., 1997. – 179 с.
2. Башляр Г. Фрагменты поэтики вогню / Г. Башляр. – Х. : Фоліо, 2004. – 142 с.
3. Башляр Г. Онирическое пространство : монография / Г. Башляр // Визгин В. П. Эпистемология Гастона Башляра и история науки. – М. : Ин-т философ. РАН, 1994. – С. 251–257.
4. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии ; [пер. с нем. А.В. Михайлова] / Э. Гуссерль. – М. : “Дом интеллектуальной книги”, 1999. – 336 с.
5. Ингарден Р. Исследование по эстетике ; [пер. с пол.] / Р. Ингарден. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1962. – 572 с.
6. Кант И. Соч. : в 6-ти т. / И. Кант. – М., 1964. – Т. 3. – 799 с.
7. Мерло-Понти М. Пространство. Философская мысль Франции XX века / М. Мерло-Понти. – Н., 1998. – 376 с.
8. Румянцева Т. Г. Гегель / Т. Г. Румянцева // Новейший философский словарь / [сост. А. А. Грицанов]. – Мн. : Изд. В. М. Скакун, 1998. – С. 150–152.
9. Руткевич А. М. От Фрейда к Хайдеггеру / А. М. Руткевич. – М., 1985. – 173 с.
10. Пасто Т. А. Заметки о пространственном опыте в искусстве / Т. А. Пасто // Семиотика и искусствометрия : современные зарубежные исследования. – М. : Мир, 1972. – С. 164–172.
11. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге / М. Хайдеггер. – М. : Высшая школа, 1991. – 190 с.

Аннотация

В статье рассматривается феноменологический метод исследования пространства и пространственных образов. Значение изучения пространства с феноменологической точки

зрения в том, что пространство существует само по себе, смысл предмета формируется всередине и вне его, при этом учитываются разные аспекты восприятия.

Ключевые слова: пространственность, феноменология, восприятие, сознание, чувства.

Анотація

У статті розглядається феноменологічний метод дослідження простору та просторових образів. Значущість вивчення простору з феноменологічної точки зору в тому, що простір існує сам по собі, сенс предмету формується усередині та поза ним, при цьому ураховуються різні аспекти сприйняття.

Ключові слова: просторовість, феноменологія, сприйняття, свідомість, почуття.

Summary

The article deals with the phenomenological method of researching space and special images. The significance of studying space from the phenomenological point of view lies in the space may exist by itself, the sense of a subject is formed inside and around it, while various aspects of perception are being taken into account.

Keywords: space, phenomenology, perception, consciousness, senses.

УДК 81'1:811.161.2 + 811.161.1

Сигеда П.І.,
кандидат філологічних наук,
Бердянський університет менеджменту і бізнесу

РОЗМЕЖУВАННЯ ПОНЯТЬ “МОВА” І “МОВЛЕННЯ” У МОВОЗНАВСТВІ

У сучасному теоретичному мовознавстві проблема мови і мовлення є однією з найважливіших і найскладніших. Дихотомія “мова – мовлення” визнається більшістю авторитетних мовознавців чи не найбільшим досягненням лінгвістики ХХ століття.

У своєму підручнику для студентів-філологів “Загальне мовознавство” проф. М.П. Кочерган проаналізував погляди Фердінанда де Соссюра на дихотомію “мова – мовлення”, яку швейцарський лінгвіст поклав в основу своєї загальнолінгвістичної теорії і зробив розмежування цих понять одним із принципів наукового дослідження мови [11, 48–50]. Цитуючи Л. Єльмслева, М.П. Кочерган підкреслює найважливіше: “Соссюр, по суті справи, **відкрив мову як таку**; одночасно він показав, що сучасна йому лінгвістика вивчала не мову, а мовлення...” [6, 57], [11, 50].

Учений аналізує також погляди (й окремі зауваження) послідовників Ф. де Соссюра, які внесли значні зміни у його теорію, неоднаково трактуючи зміст і значення розглядуваної дихотомії. Це Луї Єльмслев, Л.В. Щерба, Е. Косеріу, О.І. Смирницький, П.П. Ломтев, А.Є. Супрун, М.С. Трубецької, А. Гардинер, Н. Хомський, А. Сеше, Е. Бенвеніст, А. Мартіне, Г.П. Мельников, С.Д. Кацнельсон та ін.

Слід зазначити, що автор згаданого підручника наводить імена й тих, котрі не визнають соссюрівської дихотомії. Серед них Г. Шухардт, В. Дорошевський, А. Коен, О. Єсперсен, А. Чікобава, Дж. Фьорс, Л. Блумфільд, З. Харріс, Е. Пайк, Ч. Хоккет, А.Г. Волков, А.Г. Спіркін, Г.В. Колшанський і О.С. Мельничук [11, 54–55].